[1] □□ – устойчивое выражение «лицезреть сына неба».

Этой ночью Хунцзюню приснился кошмар, в котором Ду Ханьцин был объят пламенем и сгорал в нем. Его обугленная кожа трескалась, проявляя свежую кровь и обнажая под едва различимым лисьим мехом красную плоть. Измученная лиса пыталась выбраться из своей человеческой кожи, с мучительным воем унося за собой свежую кровь и шипящий жир.

– А! – вскрикнул Хунцзюнь, вскакивая.

– Хунцзюнь? – сказал Мо Жигэнь снаружи и зашел в комнату, положил руку на лоб Хунцзюня.

Он чуть вздохнул. Это уже второй раз, когда ему приснился кошмар. Он с трудом принял сидячее положение на кровати, беспрестанно задыхаясь, и лишь через время успокоился и молча взглянул на Мо Жигэня.

– Ночные ужасы лугов беснуют и завывают в ночи, – сказал Мо Жигэнь тихим голосом, – что Белый олень[2] оставил позади.

[2] Про Белого оленя в Китае: в общем конкретного указания на какое-то мифическое создание нет, как с тем же белым тигром. Белый олень-самец символизирует бога бессмертия. Слово «олень» – омоним слова «изобилие». Кроме того, есть легенда о том, что бессмертные и отшельники ездят на белых оленях верхом. Позже «□□□» – «верхом на белом олене» стала обозначать технику бессмертных, идущих по небу («Жизнеописание святых и бессмертных. Бессмертный старец Су»).

Он налил чашку воды для Хунцзюня и заговорил ее. Когда юноша взял ее и залпом выпил, его сердце словно успокоилось.

– Что это значит? – спросил Хунцзюнь.

– Серый волк наблюдает за ярким днем, а Белый олень – за долгой ночью, – объяснил Мо Жигэнь. – На моей родине есть легенда: когда Белый олень исчезает в темноте, детям, покинувшим свои дома, будут сниться кошмары… Ты скучаешь по дому?

– Немного, – кивнул Хунцзюнь.

Мо Жигэнь похлопал юношу по плечу и чуть улыбнулся.

– Когда ребенок взрослеет, он неизбежно покидает отчий дом.

– Это так, – тихо сказал Хунцзюнь, кивая Мо Жигэню в знак благодарности. После этой воды он почувствовал себя лучше и, когда лег обратно, быстро заснул.

На следующий день Хунцзюнь проснулся раньше всех. Сидя на корточках у колодца, он чистил зубы, а Чжао Цзылун, разузнав о событиях прошлой ночи, разбрасывался советами:

– Почему ты так беспокоишься об этом яо? Он же не твой родственник и даже не твой земляк[3], у тебя и так забот полон рот.

[3] Не родственник и даже не земляк (кит. □□□□) – не родственник и не друг, обр. посторонний, чужой, никто.

Хунцзюнь вытер рот и, собравшись с мыслями, ответил:

– Но фактически я тоже яо, верно? День, когда адъютант узнает, рано или поздно настанет.

– Твои обстоятельства отличаются от тех, что у лисиц, – возразил карп. – Адъютант, кажется, против меня ничего не имеет. Если и есть кого винить, так это лисицу, что вовремя не присягнула твоему отцу на верность, они просто пожинают то, что посеяли. Плюс, ты ешь все, и, когда дело доходит до мяса, я ни разу не слышал, чтобы ты рассуждать о равенстве всех живых существ.

– Это совсем другое, – сказал Хунцзюнь. – Не есть мясо было бы равносильно не проявлению сострадания, что я храню в своем сердце[4]. Когда я ем его, я помогаю им избавиться от горечей и проблем жизни. Так сказал Цин Сюн.

[4] Отсылка к буддистскому понятию “каруна”.

– Доброе утро, адъютант, – сказал Цю Юнсы Ли Цзинлуну, и Хунцзюнь с Чжао Цзылуном замолкли. В это же время Мо Жигэнь вернулся обратно, и Ли Цзинлун спросил:

– Все готово?

Мо Жигэнь кивнул.

– Что ты делал так рано утром? – спросил Хунцзюнь.

Мо Жигэнь загадочно улыбнулся и приложил палец к губам, намекая, что вскоре юноша узнает.

– На этот раз я услышал только «сострадание, что я храню в своем сердце». Сначала позавтракай, а потом иди переодевайся, – сказал Ли Цзинлун.

Все, что казалось таким огромным[5], стало совсем незначительным после долгого сна.

Опасения Хунцзюня, которые охватили вчера его сердце, исчезли, и, когда сейчас он столкнулся с Ли Цзинлуном, ему стало действительно неловко за свое поведение, однако мужчина лишь взглянул на юношу и приказал всем переодеться в форму.

[5] Отсылка к разговору Хунцзюня с Ли Цзинлуном накануне.

Униформа Отдела экзорцизма была сшита из высококачественной синей ткани, которую им подарили император и Ян-гуйфэй. Верхняя мантия со свободными рукавами в сочетании с белоснежной нижней одеждой подчеркивала ширину плеч и узость талии. Она отличалась от длинных костюмов чиновников: нижний край закрывал только девяносто процентов ноги, демонстрируя черные, как смоль, военные сапоги. Эти одежды больше подходили для сражений, и боевое мастерство тех, кто их носил, можно было увидеть лишь под одной походке.

Экзорцисты стояли перед зеркалом и по очереди любовались собой, очевидно, красивая одежда делает мужчину мужчиной, и потому сейчас они казались очень высокими и красивыми. Даже Цю Юнсы, привыкший носить одежду ученого, надев официальную форму, теперь выглядел как человек смелый и отважный. И все же из всех пятерых лучше всего эта одежда смотрелась на Хунцзюне. Прибыв в Чанъань, он привык носить грубые одежды с рукавами, наверху – тусклая белизна, а снизу – выцветшая лазурь, как у фермерских сыновей. Несмотря на это, он все же оставался весьма привлекательным благодаря своим природным данным, и излучал ауру молодого аристократа. Но теперь, когда он был одет в столь дорогие одежды, смотреть на него стало невозможно, словно перед тобой сын рода Вансе[6].

[6] Род Вансе (кит. □□) – фамилии знатных родов □□ (Ван Дао – влиятельный чиновник династии Цзинь) и □□ (Се Ань – государственный деятель во времена правления династии Северная Цзинь). ВанСе обозначает влиятельную семью/знать. Также существует выражение □□□□□□□□□□ □□□□□ – встарь свившая гнездо над покоями Ван и Се ласточка, залетела в дом простолюдина т.е. оно обозначает. Что богатство и славу трудно сохранить навсегда. Знать, которая когда-то была великой, становится со временем лишь частью исторических летописей.

– В шее немного давит… – сказал Хунцзюнь, тут же разрушая иллюзии.

Ли Цзинлуну оставалось только подойти и помочь ему ослабить одежду.

– Конечно, я позабыл о воротнике.

Ранее Ли Цзинлун пригласил портного и попросил его поработать сверхурочно, чтобы пошить эти наряды. Хунцзюня тогда не было, однако ему все идеально подошло, и он подумал, что это немного странно.

– Но никто не снимал мои мерки, – высказал он свои подозрения вслух.

Ли Цзинлуну стало немного неловко, поэтому, кашлянув, он обратился к остальным:

– Видите, я же говорил, что подойдет.

– У адъютанта и правда глаз наметан, – поднял Мо Жигэнь большой палец.

Хунцзюнь подозрительно посмотрел на Ли Цзинлуна и спросил:

– Откуда вы знаете мои мерки?

– Достаточно вопросов, – сказал Ли Цзинлун и передал Хунцзюню невероятно маленький элемент одежды, похожий на халат, а после кивнул в сторону двора. – Ты довольно худой, поэтому из оставшейся ткани я попросил сделать еще один комплект.

– Чжао Цзылун! – громко крикнул Хунцзюнь, сжимая в руках маленькую одежду.

– Что-что? – тут же поспешил карп. Он прожил так много лет, но все же никогда не носил одежды. Ли Цзинлун не забыл о нем, и это льстило ему. Чжао Цзылун взял одежду. Он лег на землю и стал надевать на волосатые ноги штаны. Надев верх, он завязал на талии пояс, шлейф сзади едва прикрыл карпий хвост. Ли Цзинлун протянул яо небольшую сумку через плечо и помог надеть ее. Она предназначалась для хранения пыльцы Лихунь.

Никто не сдержал хохота.

– Дайте посмотреть! – сказал Чжао Цзылун, начав прыгать перед зеркалом.

– Сегодня идем все вместе, – сказал Ли Цзинлун. – Это день жизни и смерти, поэтому убедитесь, что вы не используете пыльцу без необходимости.

Все выразили свое согласие и, взяв оружие, приготовились отправиться в путь. Сердце Хунцзюня забилось чаще, когда он вспомнил слова Ли Цзинлуна о «невредимости Отдела экзорцизма», и он все осознал. Когда юноша взглянул на мужчину, тот посмотрел на него в ответ, в глазах виднелась скрытая улыбка, словно он его успокаивал и заверял, что все будет хорошо.

Ранним утром гору Ли закрывали клубящиеся облака. Одежды каждого, кто поднимался в эту гору, становились влажными. Повозка с лошадьми остановилась у обочины дороги, и войска Шэньу крикнули:

– Генерал! Прошу, садитесь в повозку!

Фэн Чанцин сжал свою трость, и с огромным усилием заковылял вверх по горе Ли ко дворцу, где отдыхал император. После этого он махнул рукой и произнес:

– Это не проблема. Неужели свысока на меня смотрите?

Стражники могли лишь прекратить с предложением и замолкнуть, Фэн Чанцин в это время хромал по мощеной дорожке. Его родители умерли, когда он был еще молод. А после того, как его дед по материнской линии был сослан в Аньси после предательства Ли Линфу, он всю жизнь провел в армии. Со своим искалеченным телом он проявил талант под командованием Гао Сяньчжи, а также после завоевания Малого Болора и Великого Болора. За тринадцать лет он стремительно двинулся вверх и стал могучим генералом, который имел право стоять плечом к плечу с такими опытными генералами, как Гэшу Хань.

За плечами Фэн Чанцина стояло множество сражений и побед, и он использовал бесчисленные хитрости во время западных кампаний. Все насмехались над Ли Цзинлуном, но не над маленьким и слабым Фэн Чанцином. В голосе командира войска из десяти тысяч человек звучал не гнев, а сила авторитета.

Хотя сейчас Фэн Чанцин был в отставке и находился сейчас в столице, в день своего победного возвращения он отправил Ли Лунцзи отчет[7] в десять тысяч слов, прося реформировать способ управления пограничными землями, чтобы контроль над ними был мирным, а сосланные далеко солдаты могли вернуться домой. Благодаря этому он был на хорошем счету у военных чиновников и самих солдат.

[7] Отчет (кит. □□) - докладная записка императору, обычно содержащая разного рода жалобы.

Евнух в замешательстве поспешил во дворец Хуацин. В это же время Ли Лунцзи мирно спал, держа в объятиях Ян Юхуань, евнух не осмеливался нарушить их покой. Однако он боялся, что Фэн Чанцин ворвется сюда, размахивая своей тростью, а стражники не посмеют остановить его.

Евнух открыл рот, но оттуда не смог произнести и звука. Он был невероятно встревожен.

– Если у тебя есть что сказать, говори, хватит там мяться, – сказал Ли Лунцзи из комнаты. Он проснулся.

– Который час? – лениво спросила Ян Юхуань.

– Генерал Фэн Чанцин ожидает вас снаружи, он говорит, что у него есть чрезвычайно важное дело к вам, и он хотел бы как можно скорее поговорить с Его Величеством…

Услышав эти слова, Ли Лунцзи тут же поднялся.

– Опять что-то стряслось? Этого быть не может, гонца же еще не посылали? Если только его не прислало Военное министерство?

«Он по военному делу?» – подумал император, а затем спросил:

– Где Гочжун? Почему он сначала не посетил Гочжуна?

– Он сказал, что… судьба страны тесно связана с этим делом, – ответил евнух.

– Что он задумал? – Ли Лунцзи нетерпеливо махнул рукой. – Скажи ему, что мы знаем. Когда он прибыл сюда?

– Прошлой ночью, на второй страже[8], сначала прибыл к подножию горы, а потом шаг за шагом поднялся наверх, – сказал евнух.

[8] Вторая стража (кит. □□) – время с 9 до 11 часов вечера.

– Ноги генерала Фэна не в лучшей форме, как же он смог добраться сюда? Ваше Величество? – поинтересовалась Ян Юхуань.

У Ли Лунцзи не оставалось выбора, поэтому он быстро надел свою мантию дракона и с распущенными и растрепанными волосами вышел из спальни.

В боковой зале Фэн Чанцин, тяжело дыша, опирался на трость и наблюдал за Ли Лунцзи, который шел к нему с самым достойным выражением лица.

– Не спеши, – успокоил мужчину император. – Тебе нужно присесть. Кто-нибудь, подайте генералу воды. Теперь можешь говорить, не торопись.

Фэн Чанцин не мог унять дрожь, даже когда поднял голову, чтобы увидеть Ли Лунцзи.

Ли Лунцзи старел, но все еще продолжал уделять внимание своему внешнему виду: ему было уже за шестьдесят, и он не желал выглядеть на этот возраст. Фэн Чанцин же еще не достиг тех лет, когда можно было различить ложь и правду на слух[9], но выглядел он старше Ли Лунцзи.

[9] Различить ложь и правду на слух (кит.□□□□) – возраст, когда человек обладает послушным слухом, отсылает на Конфуция: «уши стали мне послушны» (Конфуций о себе в 60 лет; обр. в знач.: шестидесятилетний возраст). А послушный слух – это как раз слух, позволяющий различить ложь и правду.

– Когда этот генерал поднимался на гору, – Фэн Чанцин взял платок, который подал ему евнух, и с тяжелым дыханием вытер пот. – Я не знаю почему, но он подумал о прошлом Его Величестве… прошлой его героической фигуре.

– Героическая фигура с какого времени? – начал улыбаться Ли Лунцзи.

Фэн Чанцин взглянул на императора и сказал:

– Первые годы эпохи Танлун, год, когда войска собрались перед павильоном Линъянь.

Ли Лунцзы так рано разбудили, а теперь Фэн Чанцин действительно заговорил с ним о былых деньках, император рассмеялся. Однако его полученный правлением инстинкт подсказывал ему, что разговор, начавшийся с воспоминаний, будет непростым.

– Если бы ты не заговорил об этом, Чжэнь[10] бы уже позабыл, – улыбнулся Лу Лунцзы, взял суп из женьшеня, который передал ему евнух, и, сделав глоток, сказал. – У, подай-ка миску и Чанцину.

[10] Чжэнь (кит. □) – прямая транслитерация иероглифа со значением “мы” – обращение императора к самому себе.

В том году Ли Сяньфу и Гэ Фушунь возглавили армию Юйлинь и начали переворот, дабы наказать императрицу Вэй, которая хотела пойти по стопам У Чжао и объявить себя регентшей. Ли Лунцзи и принцесса Тайпин собрали силы в павильоне Линъянь и жизнью поклялись защищать правление клана Ли, а после ворвались во дворец и убили принцессу Аньлэ, У Яньсю, Шангуань Ванэр и всех остальных заговорщиков. Они вернули клану Ли территорию и право на власть.

Прошлое было в прошлом, но, слушая Фэн Чанцина, вспоминающего те дни, Ли Лунцзы невольно вспомнил, как тогда у него кипела кровь от страсти.

– А также год Кайюань Юань, – добавил Фэн Чанцин.

Если он правильно помнил, то в тот год Ли Лунцзы затеял переворот, в результате которого погибла принцесса Тайпин. С тех пор Великая Тан цвела во всем своем великолепии и по сей день.

– Чанцин, ты должен знать, что сегодня во всем мире царит покой, – сказал Ли Лунцзы. – Пока простые люди счастливы, то отсутствие необходимости пользоваться клинком Чжэня даже хорошо.

Ли Лунцзы почувствовал намек в словах Фэн Чанцина, и он также подумал о чем-то прошедшем – неважно, что случилось, он надеялся, что это не всколыхнет воду в императорском дворце.

– Ваше Величество как всегда умен, – ответил Фэн Чанцин. – Чанцин думал о Его Величестве и не мог не подумать о себе.

Ли Лунцзы нахмурился.

– Чанцин не ведает, но с тех пор, как он вошел в палатку генерала Гао Сяньчжи, случались ли за эти годы какие-нибудь инциденты с войсками, которые скрыли от двора? – спросил Фэн Чанцин.

– Нет, – ответил император. – Любая ложь была разоблачена, однако таких было много.

– Лгал ли когда-нибудь Чанцин Его Величеству? – снова спросил Фэн Чанцин.

– Под этими огромными небесами ты единственный, кто говорил лишь правду, независимо от ситуации, в которой оказался, – в словах Ли Лунцзы был намек на несомненное величие. – Хотя, возможно, правда была горька, но ты никогда не лгал мне. Что же происходит в Чанъане?

В молодости Ли Лунцзы отличался безжалостным характером, и, пусть сейчас он предавался нежности, когда дело касалось таких принципиальных вопросов, его ум оставался ясным и острым.

Фэн Чанцин поднял дрожащую руку, указал на свою шею и ответил:

– Прошу, если Чанцин сегодня скажет хоть крупицу лжи, Ваше Величество волен снять голову с его плеч, и Чанцин не произнесет ни слова жалобы.

Ли Лунцзы нахмурился. Он не понимал, что Фэн Чанцин замышляет[11]. Наконец он произнес:

[11] Замышляет (кит. □□□□□□□□) – букв. что за зелье (он) продает в кувшине-тыкве; обр. какие (у него) намерения, что (у него) в рукаве припрятано, что (он) замышляет. Полный текст смотри тут.

– Говори.

Когда солнце поднялось на высоту трех бамбуков[11], в месте проведения экзамена[13] в северной части города раздался звон колоколов, он не утихал, даже когда две с половиной тысячи ученых прошли обычный личный досмотр, а после выстроились в ряд, будто косяк рыб. Множество одноместных комнат[14] соединяли ряды коридоров. Каждую дверь отмечали Небесные стволы и Земные ветви[15].

[12] Солнце поднялось на высоту трех бамбуков (кит. □□□□) – обр. в знач.: позднее утро.

[13] Экзамен (кит. □□) – Кэцзюй, система государственных экзаменов в Китае для получения учёной степени и права поступления на должность, существовалаа до 1905 г.. К экзаменам допускался любой мужчина вне зависимости от статуса, изначально исключение составляли

лишь торговцы. Первые экзаменационные дворы появились как раз в эпоху Тан.

[14] Эти одноместные комнаты были скорее кабинками, да. Так они выглядели:

[15] □□□□ – китайская система циклического летоисчисления, но в последствии применялась и для счета других вещей, система ганьчжи; сочетание знаков десятеричного и двенадцатеричного циклов в китайском времяисчислении; букв. «небесные стволы и земные ветви».

Кандидатов обыскивали снаружи, а потом выдавали таблички. Согласно каждой, они должны были ждать рядом с дверями отведенной им комнаты. Инспекторы должны были подтвердить их личности и таблички. После испытуемые вешали таблички на дверь и входили в комнату. Когда дверь закрывалась, инспектор клеил на нее печать. Десять рядов комнат, в каждом – по сто комнат. Когда последняя дверь оказывала запечатана, экзаменационный павильон погружался в глубокую тишину.

Каждая комната была опечатана, исключение – узкое окно, которое пропускало свет, чтобы слуги могли приносить еду и воду, а также забирать большую и малую нужду. Как-никак кандидатам придется остаться внутри на целых три дня.

В хранилище экзорцисты быстро оттащили уснувших слуг в угол и поверх своей униформы натянули одежду слуг. Ли Цзинлун тихо сказал:

– Давайте начнем.

Чжао Цзылун, спрятавшись за кувшином с водой, стал делить снотворное, когда экзорцисты разошлись в стороны.

Опустив голову, Хунцзюнь быстрыми шагами передвигался по коридору. Проходя мимо комнат, он чуть нагибался, всматриваясь в небольшое окно, чтобы найти метку, оставленню Цю Юнсы – на подоле, на лацкане или в других подобных местах, и, находя такую, отмечал дверь метательным ножом.

А-Тай делал то же самое, каждый раз проходя мимо двери. Он заглядывал внутрь, делая вид, что он делает это случайно.

Когда А-Тай проходил по коридору, его обнаружил инспектор по тестированию. Он махнул рукой.

– Эй! Подойди-ка сюда на минутку.

А-Тай подошел, и в момент, когда инспектор собирался спросить, что делает здесь слуга и всюду озирается за пределами комнаты испытаний, сзади потянулась рука и дернула его за подол.

– Что такое? – спросил инспектор.

Как раз в момент, когда инспектор собирался повернуть голову и посмотреть, кто это, Чжао Цзылун вытряхнул немного пыльцы Лихунь.

– Один взгляд приносит удачу[16]…

[16] Ссылает к двум конкретным богам в даосской литературе: Белое (Бай Учан) и Черное (Хэй Учан) Непостоянства. Белого зовут Се Бянь, и он всегда изображается как улыбающаяся фигура, на шляпе которого написаны слова “от одного взгляда рождаются деньги”; Черное Непостоянство – это Фань У Цзю, который свирепо хмурится, и на его шляпе написано “мир на земле”. Фраза, которую произносит здесь карп яо, – “один взгляд приносит удачу”, которая обычно используется для обозначения двух Непостоянств, но в результате получается совершенно противоположный контекст этой фразы. Считается, что их появление приносит очень большую неудачу.

Инспектор чихнул, и А-Тай тут же развернулся и исчез, как порыв ветра. Карп яо нырнул за угол и убежал.

Инспектор остался стоять в недоумении.

Другой стражник столкнулся с Цю Юнсы.

– Стоять! Почему я никогда не видел тебя раньше?

– Новая встреча приносит радость! – снова распылил Чжао Цзылун немного пыльцы, стражник чихнул, и на лице его отразилось замешательство. Цю Юнсы и Чжао Цзылун пошли своей дорогой.

Хунцзюнь проходил мимо очередной комнаты. Заглянув внутрь, он увидел Ду Ханьцина.

Ду Ханьцин сидел за столом. Проследив за ним где-то минуту, Хунцзюнь прошел мимо.

Не издавая ни звука, Ли Цзинлун свернул за тот же угол в коридор. Нахмурившись, он смотрел на Хунцзюня со спины. Однако мужчина не ждал, что юноша развернется, поэтому он тут же нырнул обратно за угол.

Ли Цзинлун увидел, как Хунцзюнь с метательным ножом в руке засомневался, но все же

принял решение пометить дверь. С красными глазами он повернулся и пошел дальше.

Через несколько мгновений к нему поспешил Мо Жигэнь, наклонив голову, он осмотрел порез на дереве, заглянул в окошко и вздохнул. Нащупав метку рукой, он углубил ее, а после повернулся и тоже покинул коридор.

Ли Цзинлун молча наблюдал за происходящим.

Когда он собирался уходить, пришел А-Тай, как и Мо Жигэнь, он специально подошел к двери Ду Ханьцина, вместе с ним был Цю Юнсы.

Как только Цю Юнсы завернул за угол, он едва не врезался в Ли Цзинлуна, он тут же занервничал.

– О, адъютант! – улыбнулся Цю Юнсы.

– Похоже, я зря беспокоился, – категорично сказал Ли Цзинлун. – Вы все очень заботитесь о Хунцзюне, да?

– Мы лишь боялись, что наши усилия пойдут впустую, – продолжил улыбаться Цю Юнсы. – Когда приходят темные времена, мы всегда на вашей стороне.

После этого он похлопал Ли Цзинлуна по плечу.

Пометка дверей была завершена, экзорцисты собрались на складе, чтобы обсудить результаты своей работы.

– Двести шестьдесят шесть комнат, – подтвердил Ли Цзинлун. – Это все, давайте дождемся звонка.

Хунцзюнь ничего не говорил, и остальные тоже пребывали в тишине, атмосфера была несколько странной. Ли Цзинлун подошел и сжал плечо Хунцзюня.

– На этот раз, когда надлежаще закроем дело, давайте повеселимся в городе. Куда хотите пойти?

– Правда?! – тут же оживился Хунцзюнь.

Уголок губ Ли Цзинлуна дрогнул. Мужчина подумал: «Где же сейчас твое сострадание?»

– Пинкан!

Ли Цзинлун нахмурился.

– Пинканли, – усмехнулся А-Тай.

– Можно в Пинканли? – спросил Хунцзюнь. – На самом деле, я ни разу там не был, но, если адъютант против, я…

– Значит, Пинкан, – сказал Мо Жигэнь. – Если мы не будем там ночевать, а просто посмотрим на танцы, послушаем песни, то все будет в порядке, верно? Пинканли славится не только своими… особенными заведениями, верно?

– Даже ты хочешь пойти? – вздохнул Ли Цзинлун. Он никак не мог понять, что творилось в головах его подчиненных.

– Я… ну, свой первый раз я берегу для Белого… впрочем, поговорим обо всем потом, однако послушать песни и выпить будет очень даже весело.

– Можно в Пинканли? – поинтересовался Чжао Цзылун. – Я хочу взглянуть на ту картину еще раз.

– Тогда отправимся в Пинканли! – принял решение Цю Юнсы.

– Отлично! – крикнули все хором. Единодушие большинства сокрушило возражения одного, и Ли Цзинлун положил руку себе на лоб. В это мгновение зазвонил колокол, бам-бам-бам, и все немедленно встали, чтобы подготовиться.

Когда колокол прозвонил второй раз, инструкторы, держа в руках свитки, поспешили в комнаты. Каждый раз, проходя по коридору, они просовывали задания в окошко, как только свиток покидал их руки, они двигались дальше. Так инструкторы обошли все комнаты.

Яркое солнце светило на небе, ладонь Хунцзюня вспотела, стоило ему услышать: «Вода!»

Все смешались с толпой слуг и вынесли бочонок с водой, после опустили головы. Стражники осмотрели бочонки и кувшины, каждый пошел относить воду. В правой руке Ли Цзинлун держал порошок Динхунь, а в левой – воду. Когда он подходил к помеченной комнате, засыпал порошок в сосуд, а потом давал охраннику наполнить его. После он передавал кувшин испытуемому через окошко.

Пять рядов, и впереди еще пять, в десяти рядах комнат было около сотни, и после этого раунда все так устали, что пот покрывал их лбы. Когда экзорцисты вернулись на склад, Ли Цзинлун заметил, что время пришло и приказал всем разойтись.

Все тут же перемахнули через стену, оказываясь напротив экзаменационного учреждения. Все смотрели в его сторону и все чувствовали себя неловко. Все эти хлопоты забрали добрую половину дня, и наступил осенний прохладный полдень. Хунцзюнь боялся, что кто-то не будет пить или снотворного окажется недостаточно, он думал об этом, когда Ли Цзинлун приказал добавить еще снотворного. Шаг, сделанный с большой предусмотрительностью.

Затем Ли Цзинлун терпеливо подождал еще немного, вздохнул, словно он тоже нервничал. Вскоре после этого на улице раздался грохот повозок, запряженных лошадьми. Их было огромное множество. Это оказались Гао Лиши и другие чиновники Министерства церемоний, которые прибыли наблюдать за экзаменом.

Ли Цзинлун ждал именно этого, он тут же приказал:

– Вперед.

– Погодите, – остановил мужчину Хунцзюнь. – Я думаю, они так рано не уйдут, да? Давайте еще подождем.

– Я проверил твое снотворное на слугах, которые выпили воду. Доза вполне достаточная, – ответил Ли Цзинлун.

– Я просто переживаю, что кто-то не будет пить воду!

– Утром я попросил Мо Жигэня прийти в Императорскую академию и добавить в завтрак четверную дозу соли. Как раз чтобы предотвратить такие неприятности.

Кроме Мо Жигэня, все остальные тут же разинули рты от изумления. Цю Юнсы сразу же произнес:

– Адъютант, с сегодняшнего дня этот смиренный будет следовать за вами!

– Что же это за человек? – недоверчиво сказал А-Тай.

– Шутки в сторону, – смиренно сказал Ли Цзинлун. – Нужно привести себя в порядок, идем!

После Ли Цзинлун снял верхние одежды, показывая свое тело, облаченное в темно-синюю униформу, Меч мудрости был пристегнут к поясу. Он носил униформу, подаренную Сыном Неба, и держал осанку прямую, словно кисть. Все последовали примеру адъютанта, открывая свои официальные одежды. После они вслед за Ли Цзинлуном направились к площади.

http://erolate.com/book/3616/89517